

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

**Зарубежная философия.
Современный взгляд**

**ФИЛОСОФИЯ В ДВИЖЕНИИ:
РАДИКАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ КАРЛА ЯСПЕРСА***

О.А. ВЛАСОВА

О философии Ясперса по всему миру написано много, и с каждым годом исследовательский интерес только нарастает. В 2013 г. отмечался юбилей «Общей психопатологии», оставивший след в многочисленных журнальных публикациях и сборниках. Философский мир уже не один год ждет трехтомного издания переписки, издание откладывается с каждым месяцем и с каждым месяцем подогревается интерес. Анонсировано полное собрание сочинений в 50 томах, работа над которым только по предварительным предположениям самих издателей займет лет 15.

Однако, несмотря на обилие критической литературы и уже классичность Ясперса для философии, какие-то новые подходы к его творчеству – в последнее время редкость. Все уголки его мысли уже давно проанализированы, самые важные исследовательские находки сделаны еще его знаменитыми современниками. Большинство из работ развивают его подход, осваивая посредством него новые пространства. Ясперс писал хотя и очень глубоко, но ясно. Эта ясность способствовала его скорейшему пониманию.

Кроме того, в ряду тех философов, которых принято называть экзистенциалистами, или экзистенциальными философами, о самобытности и специфичности Ясперса говорят гораздо меньше, чем о самобытности других. Новаторство Хайдеггера не вызывает сомнений, и именно его называют той фигурой, которая знаменует разрыв и поворот экзистенциальной философии. Точно такой же эпохальной личностью является для французской философии Сартр, и не только в метафизическом, но и в политическом плане. Ясперс в этом ряду как-то отходит на второй план.

Конечно, много написано об экзистенции и коммуникации, об осевом времени и понимающей психологии, об объемлющем. Но ча-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Концептуальный анализ философии Карла Ясперса в свете биографического подхода» по Гранту Президента РФ по государственной поддержке научных исследований молодых российских ученых – докторов наук (МД–205.2014.6).

сто постулирование новизны концептов и отдельных ходов заменяет исследование новизны подхода. Не поставленным остается принципиальный вопрос: кем был Ясперс в своей философии — традиционалистом или новатором, и в чем новизна его подхода? Не было ли радикального поворота Ясперса?

Каждое из популярных Ясперсовых понятий указывает на более глубокий онтологический, методологический слой его мысли, мысли совершенно своеобразной, живой и могущей сохранить жизнь в современной философии. В дискуссиях о призвании философа, о смерти классической мысли, о ненужности философии мысль Ясперса — это то, к чему нужно обратиться прежде сего. Почему это нужно сделать, я попытаюсь показать.

Концептуальный строй: философия в движении

Если собрать на одной полке все Ясперсовы работы, подержать их в руках, попробовать некоторые на вес, сразу же приходит ощущение, что мысль этого философа подобна какой-то машине, необычайно разросшейся системе, в которой есть все и обо всем. Она имеет более или менее устойчивую концептуальную сетку: из работы в работу Ясперс использует фиксированный набор понятий, ядром которых являются концепты «экзистенция», «трансценденция», «разум», «коммуникация», «объемлющее», «история». Эти концепты дополняются некоторыми другими, но в целом сохраняются на протяжении всего творчества. Кроме того, каждый из них цепляется за другой.

Центральная категория философии Ясперса, пожалуй, — *экзистенция*. Онтологически экзистенция — это то, что есть вместе с мировым бытием, что может быть и что должно быть; антропологически — то, что есть я сам как существование; гносеологически — то, что не может быть объективно познано, но что может лишь разворачиваться в бытии. Человек представляется как «возможная экзистенция в *существовании*», где существование — это бытие конкретного человека, бытие, которое может жить или умереть, экзистенция же — это то, что надвременно и что предстает в существовании как свобода. Экзистенция разворачивается в мире как поле, в котором она предстает перед самой собой, которое она познает и в котором она просветляет саму себя. Она недоступна мышлению и есть постоянно разворачивающееся существование. Ее невозможно зафиксировать и помыслить как результат, она ускользает от всякой объективации и открыта сомнению. «Экзистенция — не цель, но *исток* философствования, охватывающего себя в ней»¹, — заключает Ясперс.

Экзистенция всегда предполагает *разум*, а разум экзистенцию. «Они один от другого неотделимы, — подчеркивает Ясперс. — Каждый из них утрачивается там, где утрачивается другой... Экзистенция делается *ясной* для себя только благодаря разуму; разум получает *содержание* только благодаря экзистенции... они взаимно вызывают друг друга к

жизни, находят друг в друге ясность и действительность для себя»². В экзистенции достигается средоточие философствования, но оно становится фактическим и историческим только в разуме и всегда отсылает к нему. Для Ясперса разум есть всегда присутствующая связь всех способов бытия, объединяющий их исток, однако его нельзя схватить в целостности в какой-то одной из форм.

До войны Ясперс предпочитал характеризовать свои идеи как философию экзистенции, а после — как философию разума. Центральное значение для Ясперса здесь имеет формирующая природа разума. Экзистенция — это то, что подлежит просветлению, разум есть форма, которую это просветление обретает. Как экзистенция, так и разум не могут существовать в-себе: устремляясь вперед, они всегда ищут свое иное и обретают его в *коммуникации*, которая обеспечивает связность и целостность экзистенции, развивает единство в разуме. Коммуникация бесконечна, открыта, свободна³. Она не есть обмен мнениями или отстаивание точки зрения, скорее, она устремлена на постоянное прояснение, путь к истине, развертывание экзистенции и продвижение в разуме философствующих людей. Для коммуникации не обязателен реально присутствующий собеседник, она может разворачиваться сквозь пространство и время: с людьми других эпох и других стран. Она дает разуму его иное, обеспечивает полемику в разуме, и, что самое важное, она открывает для разума и экзистенции горизонт.

Бесконечную коммуникацию, размыкание разума и динамическую природу экзистенции Ясперс объединяет в понятии объемлющего, принципиальном для его «Философской логики». Он описывает мышление человека как «широчайший горизонт возможного»: всякий предмет нашей мысли отсылает нас к чему-то еще. Это «что-то еще» как максимально общий горизонт мышления Ясперс обозначает как *«объемлющее»* и определяет его так: «...целое как предельная, опирающееся на себя самое основа бытия, идет ли речь о бытии *в себе* или бытии для нас»⁴. Оно — горизонт нашего мышления, опосредованно предстающий в мире и нас самих. Поэтому невозможно никакое позитивное знание об объемлющем, невозможна рационалистическая философия объемлющего. Объемлющее предстает только в поиске истины, в движении. Здесь нет никакой определенности, никакой формы, реальности и данности. Этот поиск сродни тому, что ведется в философии экзистенции.

Посредством понятия «объемлющее» Ясперс очерчивает и специфику философии в ее отличие от науки: если наука занимается конкретным и данным, то философия следует за постоянно расширяющимся горизонтом объемлющего. «Без объемлющего, — отмечает Герхард Кнауус, — философия бы осталась, подобно науке, ограниченной и была бы неспособна увидеть глубины»⁵. Можно добавить, что без этого понятия была бы немыслима и философия Ясперса как таковая. Посредством него он переходит к построению собственной динамиче-

ски ориентированной философии: того, что потом он станет называть философствованием. Кнауусу это позволяет называть логику объемлющего «органом философии Ясперса»⁶.

Динамичный горизонт объемлющего влетает в философию Ясперса тему *историчности*. Как указывает Курт Хофманн, «то, что Ясперс называет историчностью (*Geschichtlichkeit*)... больше чем любое другое понятие показывает его отход от философской традиции»⁷. Смыслы историчности для Ясперса многообразны. Она часто используется для характеристики процесса: индивидуальное существование, к примеру, всегда исторично, поскольку процессуально, поскольку характеризуется развитием. Точно так же историчен мир в силу динамизма происходящих в нем событий. Исторична коммуникация. Однако Ясперса больше интересует другой смысл историчности: как одной из сторон человеческого существования, развития мира и т.д.

Для Ясперса историчность как сторона бытия есть воплощение конкретности: существования, коммуникации, свободы, трансценденции. Она — оппозиция вечности как вневременности. Историчность ограничивает свободу фактом и событием; задает границы коммуникации ситуаций; приводит экзистенцию к существованию, и последнее наделяет конкретным событийным и психологическим контекстом; она дает шифр трансценденции и имплицитно обеспечивает возможность для его просветления. Связность прошлого, настоящего и будущего как раз и способствует размыканию разума, построению открытого горизонта событийности, устремленности к бесконечному развитию. Для Ясперса «незавершенность человека и его историчность — одно и то же»⁸.

Принципиальную незавершенность Ясперс обозначает и еще одним понятием — «трансценденция». Это специфический остаток познания, то, что имеется наравне с бытием познанным, то, что нельзя схватить как данность, но что составляет исток всего. Бытие не может быть помыслено, стать предметом или предикатом мышления, но может существовать лишь в единстве с расшифровывающей его экзистенцией. При этом соприкосновение с бытием, трансцендирование имеет для нее центральное значение, позволяя двигаться вперед и всегда пребывать в изменении. «Она, — подчеркивает Ясперс, — сохраняет свою возможность, только если знает себя основанной в трансценденции. Она теряет открытость собственному становлению, если считает себя самым подлинным бытием»⁹. Устремленность экзистенции к трансценденции, диалектическая взаимосвязь экзистенции и разума указывают на основное качество философии Ясперса, и это качество — динамизм.

Если повнимательнее присмотреться к концептам экзистенции и разума, истории и трансценденции, то заметно, что в своей философии Ясперс стремится не к определенности и завершенности, а напротив, к постоянной динамике и движению. Он жаждет не остановиться, а пойти дальше. Экзистенция всегда отсылает к существованию и ди-

намике душевной жизни, связанной с непредсказуемостью ситуации, разум отмечает работу мышления и воли. И экзистенция, и разум раскрываются в непрерывной коммуникации. Весь мир открывается человеку как история, как единство прошлого, настоящего и будущего. И остановиться, даже на миг, невозможно: за одним горизонтом открывается только новый горизонт.

Где та устойчивость и опора системы, которой были отмечены классические философии, где определенность, которая должна быть свойственна философии в силу ее характера как науки? Этого Ясперс как раз и стремится избежать. Он предлагает нам говорить не о философии, а о философствовании — живом философском опыте. У философии Ясперса нет никакой укорененности, причем укорененности не в плане онтологии, а в плане устойчивости: она не останавливается ни на миг.

Философская практика: регионы философствования

Концептуальный строй философии Ясперса оформляется в последовательности его работ, более или менее законченный вид он приобретает в трехтомной «Философии» (1931). Во всех своих концептах, развиваемых до и после этого масштабного труда, Ясперс устремляется к истоку динамизма, к динамизму самому по себе — к жизни. Он начал свой профессиональный путь не как философ, а как психиатр. Каждый день он наблюдал «многоцветные» картины душевной жизни. Она была столь интенсивной, что о ней приходилось заговорить волей-неволей.

В своей устремленности к жизни Ясперс идет по стопам В. Дильтея. И хотя сам он не признавал доминирующего влияния Дильтея на свою мысль, это влияние отчетливо заметно на уровне стиля философствования. Хотя у Ясперса и нельзя найти жесткой критики предшествующей философской традиции, своей философией он демонстрирует четкий разрыв с ней: он переходит от онтологии к философии объемлющего, от системы к систематике, от классической истории философии к коммуникативной, от философии самой по себе к философствованию.

Ясперс стремится отойти от традиционной онтологии и поставить на ее место *философскую метафизику* (как просветление трансценденции) или *философскую логику* (как исследование форм объемлющего). В «Философии» он расценивает традиционную онтологию как тупиковое направление исканий. «Онтология должна распасться»¹⁰, — подчеркивает он, и в этом неприятии всякого учения о бытии он открыто противостоит идеям своего друга и оппонента М. Хайдеггера. На его взгляд, онтология предполагает знание о бытии, выраженное в понятиях, относительно завершенное, упорядоченное и систематичное. «Она, — настаивает Ясперс, — приковывает нас к ставшему объективным бытию и отменяет свободу.. Она видит бытие как единое и множественное, но не как бытие возможной экзистенции, которое может быть только этим»¹¹. Усвоение традиции онтологии поэтому предпола-

гает, по Ясперсу, ее расчленение, т.е. постепенное освобождение ее от наслоений с целью вскрыть тот ее пласт, который обращается к самому бытию, а не выражает его на языке понятий. Всякой онтологии при этом еще предстоит стать метафизикой. Философская метафизика дает не знание о бытии, а опыт бытия, соединяя экзистенцию и трансценденцию, и в этом ее принципиальное отличие от онтологии.

В «Философской логике» он продолжает развивать эту критическую линию и противопоставляет онтологии философскую логику, а также перизхонтологию¹². Последняя понимается им как онтология объемлющего, первая – как исследование его форм. Онтология объемлющего – это первая философия, всеохватывающий опыт мышления, который может открыть дорогу для всякого другого осмысления мира и человека. Это намеренный отказ от всякого законченного знания и обращение к открытому горизонту. Она, как развиваемая ранее философская метафизика, «схватывает» бытие в момент столкновения как модус объемлющего. Новая онтология Ясперса не формулирует, да и не задается целью сформулировать никакие четкие принципы и аналогии, у нее нет никакой устойчивой позиции или мировоззрения, ее содержание не исчерпывается тем, что может быть выражено в понятиях, она выражает лишь косвенно, устремляется к истокам, и в целом прояснение объемлющего, которое осуществляется в ее рамках, не связано с осмыслением его как предмета, в отличие от такового в онтологии. «Цель, а тем самым – и смысл философской мысли, – разъясняет Ясперс, – заключается не в знании о предмете, а скорее, в изменении нашего *сознания бытия* и нашей *внутренней установки* в отношении к вещам... Человек способен с чуждой фанатизма безусловностью, с неизменно открытой решительностью искать путь своей истины»¹³. Это философское просветление объемлющего, это, скорее, изучение пред-логического, а не логического.

Изменение характера онтологии приводит у Ясперса и к трансформации теории познания, накладывающей непосредственный отпечаток на понимание им предназначения и статуса философии. На протяжении всего творчества Ясперс будет четко отличать философию от науки и настаивать на недопустимости ее трактовки как объективного познания. Философия, по его мысли, всегда надстраивается над наукой и принципиальным образом отличается от нее. Начавшееся с Декарта подчинение философии науке привело ее к ложному объективизму и неоправданному догматическому рационализму¹⁴. Философия стала всего лишь ветвью науки и забыла о своем предназначении просветления трансценденции и открытия истины, о живом опыте мышления.

Ясперс убежден, что понимание философии как науки, как законченной системы знаний, должно быть преодолено, если она желает установить связь со своими собственными истоками и осознать свою природу. «Вслед за обретением независимости от божественного от-

кровения новая философия попала в зависимость от современной науки — это роковая для нее ошибка; оттого, начиная с Нового времени, великая философия предстает в несоответствующих ей одеждах. В этом отождествлении себя с современной ей наукой она утрачивала себя. К тому же ей нечем было ответить на требование объективной достоверности научного познания. Как следствие, она получила пренебрежение и постоянные поиски цели. Современная философия может обрести свой истинный образ, только если сбросит одежды, которые носит, — будь то религиозное и церковное мышление или современная наука — и осознает, что они ей не подходят. Смотря на них со стороны, она вновь наладит связь со своими вековыми истоками»¹⁵.

Природа философии — трансценденция: она превосходит реальность, возвышается над ней, а не растворяется в ней. Философия идет к истине, которая не доступна посредством науки: той, которая не ограничивается пределами разума. В этом поиске нет никакой устойчивости и однозначности, нет никаких окончательных ответов и правильных вопросов. Это движение философского существования происходит посредством разума, в постоянном открытии все новых и новых горизонтов. Наиболее емко Ясперс определяет философию в следующем высказывании: «Таким образом, существование философии есть прежде всего дело отдельного человека, в качестве которого она должна иметь свой *характер, необходимый в силу его ситуации в существовании*. Затем, философия, как формация мысли, в ее сосредоточении на едином, есть становление *системы*. И наконец, во вспоминаящей коммуникации философствования она действительна как история философии»¹⁶.

История философии для Ясперса становится основной формой философского поиска. Философия раскрывается как опыт общения с другими философами, причем общения через века. Поэтому история философии Ясперса, как справедливо отмечает Х. Занер, имеет коммуникативный характер¹⁷: это общение с великими философами в развертывании собственной экзистенции. «Там, где имеет место подлинное озарение экзистенции, развертывающаяся экзистенция философа разжигает пламя экзистенции того, кто мыслит с ним в унисон, передавая ему стремление обратиться к самому себе»¹⁸, — характеризует эту специфику философии Ясперса Эдвин Латцел.

История философии у Ясперса основана на понимающей коммуникации, в которой исследователь-философ вступает в отношения с «теньями прошлого», обращает к ним современные ему вопросы, вслушивается в их ответы и вскрывает тем самым грани истины, грани объемлющего. Для исследователя она способствует его собственному философствованию, пониманию самого себя, обретению мужества или смирения. «История философии открывается мне только в единстве с моим открытием себя самого»¹⁹, — подчеркивает Ясперс. Путем

обращения к «чужому», путем сравнения и различения проясняется и «свое» собственное мышление.

Для истории философии, как и для других пространств мысли Ясперса, характерна диалектическая трактовка. Он считает, что в извечном пространстве подлинности есть и подлинная, вечная философия, *philosophia reipennis*, — та целостная философия, которую никто не сможет обрести, но которая выражается в системах великих философов. Вечность для Ясперса, как это ни странно, — залог современности философии. Обращение к прошлому дает стимул для развития в настоящем, и это расстояние запускает душевное движение. «Философия, — подчеркивает Ясперс, — никогда не бывает будущей, но всегда современна»²⁰. Нельзя ни обновить философию, ни предложить какую-то ее новую модель, поскольку суть философии — обращение к трансценденции, к вечной истине и одновременно мысль в настоящем, философский опыт, философская практика.

Практика философии, как и всякая практика, для Ясперса неопишима. Он говорит, что невозможно объяснить, что есть философия, и поэтому невозможно научить ей. В 1960-е гг., в одном из интервью, он подчеркивает, что философия ускользает от всякого определения, ее нельзя очертить устойчивым кругом проблем, и в этом отношении сближает ее с опытом. Тогда, пытаясь конкретно разъяснить свою мысль, Ясперс сравнивает философию с плаванием, и замечает, что стоять на берегу и говорить о плавании — это одно дело, а плавать — совсем другое. Говорить о методах философии, о ее проблемах — это все равно, что рассуждать о плавании и о пловцах. «Если я на самом деле философствую, это значит, что я уже прыгнул в воду»²¹, — заключает он.

Сам Ясперс, особенно в поздние годы, всячески избегал употребления самого понятия «философия», когда речь шла о ее практике. Для него, как отмечает П. Шильпп, «если речь шла о “философии”, то это уже означало, что утрачивается сущность философии»²². Термин «философия» предполагал завершенность, ограниченность, стремление к системе и исключал развитие, возможность пересмотра и личное участие. «Философия» означала завершенное мировоззрение, «философствование» — постоянный и непрекращающийся процесс.

Еще с 1930-х гг., начиная с работ о Ницше и Вебере, Ясперс будет акцентировать принцип единства жизни и мысли, и превратит собственную жизнь в путь философствования, подчинив ее цели поиска истины и непрестанной работе с текстами. Его жизнь и была его философией. Пытаясь описать эту неуловимую сущность, Голо Манн пишет: «Человек никогда не должен сдаваться. Философия должна быть. Но какой она должна быть в наше время? Глубокая и впечатляющая жизнь Ясперса — единственно возможный ответ на этот вопрос»²³. Так Ясперс воскресил старый и известный с Античности смысл философии как практики личности в определенной исторической ситуации.

Философствование как опыт преобразования личности, как практика мысли — это единственно возможный путь философии для Ясперса. Его принципиальное новаторство состоит в попытке обратиться от системы к систематическому мышлению, в динамичных понятиях, в стремлении ввести в философию развитие. Все самые важные концепты его философии не могут быть четко определены, нельзя выстроить никаких строгих категориальных рядов, ведь невозможно дать завершеного определения ни экзистенции, ни свободе, ни коммуникации, ни трансценденции. Как совершенно справедливо подчеркивает Курт Хоффман, «философия Ясперса характеризуется необычайной внутренней напряженностью, движением, которое сопротивляется концептуальному анализу, и по отношению к которому анализ, вычлняющий статические понятия из развивающегося потока мысли, не может быть успешен»²⁴. В концептуальном анализе, в попытке вычлнить категориальную сетку, мы видим лишь связку, а не статический набросок.

В основных пространствах философии Ясперс совершает радикальный по своему характеру отход от классической философии. Онтология и теория познания, антропология и история философии движимы у него принципиально иными задачами. Философия не может дать объективное описание мира, она не может дать целостную его картину, поскольку картина эта всегда будет лишь карикатурой. Что делать философии в этой ситуации? Если она — лишь практика, лишь форма личностного опыта, что она может дать науке, какую пользу философ может принести современникам?

Возвышаясь над наукой, философия ставит вопрос о ее методах и концептах, она подвергает рефлексии ее основания, противостоит догматизму. Представляя собой рефлексию современности, она служит критическим самосознанием эпохи, обращает культуру и время к самим себе. Основной функцией философии, тем самым, у Ясперса становится освобождение и развитие самосознания: самосознания человека, науки, общества, культуры, эпохи.

Совавтор Ясперса по последнему изданию «Идеи университета» Курт Россмэнн в своем послесловии к трем послевоенным выступлениям Ясперса говорит о связи его философии с критической мыслью Ницше и Кьеркегора. Эта связь, на его взгляд, основана на отказе от всеохватывающей онтологии и поиске новых путей философского мышления. Для Ясперса, как разъясняет он, не может быть философии как готового знания, которое можно систематизировать и представить как единый корпус. Философия есть выражение интегрального качества природы человека — его свободы, и всегда связана с конкретной ситуацией самого философствующего человека. Свобода философствования и есть воплощение свободы человека: это мышление о мышлении,

воплощенная в коммуникации свобода человека как внутреннее действие. «Если, — пишет Россмэнн, — философию Ясперса и можно охарактеризовать какой-то фразой, то только как философию свободы»²⁵.

В динамизме, в обращенности к жизни мышления и опыта, в отходе от классических схем, в попытке обратиться от теории к практике Ясперс предлагает неклассическую попытку определения смысла философии в современном ему мире. Если повнимательнее вчитаться в его работы и одновременно хорошенько оглядеться вокруг и посмотреть на наш современный мир, то оказывается, что его философский призыв по-прежнему актуален.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 4, 7.

² Ясперс К. Разум и экзистенция / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013.

³ См.: Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, politisches Bewusstsein in unserer Zeit. — München: R. Piper, 1958. S. 313–314.

⁴ Ясперс К. Разум и экзистенция. С. 44.

⁵ Knauss G. The Concept of the «Encompassing» in Jaspers' Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers / ed. P.A. Schilpp. — N. Y.: Tudor, 1957. P. 170.

⁶ Ibid.

⁷ Hoffman K. The Basic Concepts of Jaspers' Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers. P. 101.

⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. М.И. Левиной. — М.: Политиздат, 1991. С. 242.

⁹ Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 6, 8.

¹⁰ Ясперс К. Философия. Книга третья. С. 199.

¹¹ Там же. С. 200.

¹² Jaspers K. Philosophische Logik. Bd. 1: Von der Wahrheit. — München: Piper, 1947. S. 158–161.

¹³ Ясперс К. Разум и экзистенция. С. 69, 71.

¹⁴ См.: Jaspers K. Descartes und die Philosophie. — Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & Co., 1937.

¹⁵ Jaspers K. Wahrheit und Wissenschaft // Philosophische Aufsätze. — Frankfurt a. M.; Hamburg: Fischer Bücherei, 1967. S. 68.

¹⁶ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 292.

¹⁷ Saner H. Nachwort // Jaspers K. Aneignung und Polemik. Gesammelte Reden und Aufsätze zur Geschichte der Philosophie. Hrsg. H. Saner. — München: R. Piper, 1968. S. 503.

¹⁸ Latzel E. The Concept of «Ultimate Situation» in Jaspers' Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers. P. 205.

¹⁹ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение / пер. К.В. Лошевского. – СПб.: Наука, 2000. С. 109.

²⁰ Philosophie und Welt: Ein Gespräch, mit Francis Bondy über den Einfluß der Philosophie (1962) // Provokationen. Gespräche und Interviews. Hrsg. H. Saner. – München: Piper, 1969. S. 44.

²¹ Wie kommen Sie zu Ihrem Urteil, Herr Professor? Ein Interview von Armin Eichholz (1966) // Gespräche und Interviews. S. 179.

²² Schilpp P.A. Preface // The Philosophy of Karl Jaspers. P. xi.

²³ Mann G. Freedom and the Social Sciences in Jaspers' Thought / Trans. R.J. Doney // The Philosophy of Karl Jaspers. P. 564.

²⁴ Hoffman K. The Basic Concepts of Jaspers' Philosophy. P. 95.

²⁵ Rossmänn K. Nachwort // Jaspers K. Über Bedingungen und Möglichkeiten eines neuen Humanismus (Drei Vorträge). – Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1965. S. 89.

REFERENCES

Jaspers K. *Descartes und die Philosophie*. Berlin; Leipzig, W. de Greyter & Co., 1937. 104 S.

Jaspers K. *Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, politisches Bewusstsein in unserer Zeit*. München, R. Piper 1958. 506 S.

Jaspers K. *Philosophische Logik*. Bd. 1: Von der Wahrheit. München: Piper, 1947. 1102 S.

Jaspers K. *Philosophy*. Vol. 1: Philosophical World Orientation. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 384 p.

Jaspers K. *Philosophy*. Vol. 2: The Illumination of Existence. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 448 p.

Jaspers K. *Philosophy*. Vol. 3: Metaphysics. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 296 p.

Jaspers K. *Provokationen. Gespräche und Interviews*. Hrsg. H. Saner. München, Piper, 1969. 223 S.

Jaspers K. *Reason and Existence*. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 336 p.

Jaspers K. *The Origin and Goal of History*. Russian trans. by M.I. Levina. Moscow, Politizdat [Publishing House of political literature], 1991. 527 p.

Jaspers K. Wahrheit und Wissenschaft. In: *Philosophische Aufsätze*. Frankfurt am Main; Hamburg: Fischer Bücherei, 1967. S. 62-77.

Jaspers K. *World History of Philosophy: Introduction*. Russian trans. by K.V. Loshevskiy. Saint Petersburg, Nauka, 2000. 272 p.

Rossmänn K. Nachwort. In: Jaspers K. *Über Bedingungen und Möglichkeiten eines neuen Humanismus* (Drei Vorträge). Stuttgart, Philipp Reclam Jun., 1965. S. 83-90.

Saner H. Nachwort. In: Jaspers K. *Aneignung und Polemik. Gesammelte Reden und Aufsätze zur Geschichte der Philosophie*. Hrsg. H. Saner. München, R. Piper, 1968. S. 503-510.

Schilpp P.A. (ed.) *The Philosophy of Karl Jaspers*. New York, Tudor, 1957. 934 p.

Аннотация

Статья представляет собой попытку исследования философии Ясперса как новаторского подхода, радикальным образом отличного от классической традиции. В качестве основных характеристик этого подхода называются: динамизм, стремление отказаться от построения системы в пользу систематичного мышления, понимание философии как практики мысли, укорененной в конкретной исторической ситуации. Проводится концептуальный анализ идей Ясперса, проясняется авторское понимание основных пространств философии: онтологии и теории познания, истории философии.

Ключевые слова: К. Ясперс, философствование, история философии, экзистенция, коммуникация.

Summary

The paper discusses Jaspers' philosophy as an innovative approach which is radically different from the classical tradition. The main characteristics of this approach are dynamism, resignation of the system in favor of systematic thinking, understanding of philosophy as a practice of thought, rooted in a particular historical situation. Author presents the conceptual analysis of Jaspers' ideas, clarifies his understanding of basic philosophical fields: ontology and epistemology, history of philosophy.

Keywords: Jaspers, philosophizing, history of philosophy, existence, communication.